

ВОСПОМИНАНІЯ Г. П. САМСОНОВА.

ОМѢЩАЕМЫЯ ниже воспоминанія Г. П. Самсонова составляютъ лишь нѣсколько страницъ изъ его дневника, который онъ велъ много лѣтъ. Покойный генераль-отъ-инфантеріи Самсоновъ прослужилъ въ офицерскихъ чинахъ свыше 60 лѣтъ, и его записки, относящіяся главнымъ образомъ къ первой половинѣ XIX столѣтія, представляютъ, несмотря на свою отрывочность, довольно цѣнный матеріалъ для характеристики военныхъ нравовъ того времени. Нельзя не выразить сожалѣнія, что пожаръ въ усадьбѣ семейства покойнаго уничтожилъ его полный дневникъ.

Послѣдніе годы своей жизни (1892—1896) покойный Г. П. состоялъ директоромъ Михайловской военной богадѣльни.

I.

Предки.—Жизнь отца.—Мое дѣтство.—Школьные годы.—Вліяніе польской войны на мою судьбу.

Родъ Самсоновыхъ принадлежитъ къ древней русской дворянской фамиліи. Положительныхъ и подробныхъ свѣдѣній о представителяхъ этого рода за болѣе отдаленный періодъ, за XVI—XVII столѣтія, очень немного, такъ какъ большинство Самсоновыхъ вели скромную жизнь землевладѣльцевъ, занимаясь устройствомъ своихъ вотчинъ и ихъ населенія, и поэтому, конечно, не могли быть от-

мѣчены современниками. Нѣкоторые изъ нихъ очевидно все-таки служили, такъ какъ одному изъ Самсоновыхъ были пожалованы царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ за заслуги вотчины въ нынѣшней Владимирской губерніи.

Переходя поэтому отъ далекаго прошлаго къ временамъ болѣе близкимъ, я начинаю мои воспоминанія съ отца.

Отецъ мой, Петръ Александровичъ, въ 70-хъ годахъ XVIII столѣтія былъ записанъ въ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ, но, увлекаемый нашей прирожденной привязанностью къ деревенской жизни, онъ по достиженіи совершеннолѣтія, добился назначенія адъютантомъ къ кн. Алексѣю Ивановичу Горчакову, командовавшему дивизіей, расквартированной въ Залѣсскомъ уѣздѣ, гдѣ находились наши имѣнія.

Это назначеніе давало Петру Александровичу возможность и служить и предаваться своему любимому занятію—сельскому хозяйству. Съ уходомъ дивизіи изъ Залѣскаго уѣзда Петръ Александровичъ, вѣрный себѣ, вышелъ въ отставку и уже до конца жизни служилъ только по выборамъ, занимая должности предводителя дворянства (послѣдовательно въ нѣсколькихъ уѣздахъ Владимирской губерніи), попечителя училищъ и т. д.

Въ тяжелые годы начала текущаго столѣтія мѣстное дворянство избрало моего отца тысячнымъ начальникомъ милиціи. Между прочимъ, въ оригинальномъ мундирѣ, присвоенномъ этой должности (свѣтло-зеленаго цвѣта, съ алымъ воротникомъ, бѣлымъ плюмажемъ и зеленымъ перомъ на шляпѣ и съ одной полковничьей эполетой на правомъ плечѣ), отецъ мой (тогда уже генералъ) имѣлъ счастье представляться съ тремя сыновьями императору Александру II во время его коронаванія.

Въ 1796 году, П. А. Самсоновъ сочетался бракомъ съ дѣвицей Анной Александровной Исленьевой, родной сестрой Николая Александровича Исленьева, прослужившаго въ Преображенскомъ полку отъ нижняго чина до командира полка включительно ¹⁾. Исленьевъ этотъ извѣстенъ еще и по слѣдующему обстоятельству.

Въ Зимнемъ дворцѣ имѣется картина, изображающая тотъ моментъ печальнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ высоко знаменательнаго дня 14 декабря 1826 года, когда государь императоръ вызвалъ на Дворцовую площадь 1-й батальонъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и, подавъ руку моему дядѣ Исленьеву, изволилъ спросить:

— Отвѣчаешь ли ты за своихъ?

— Какъ за самого себя, ваше величество,—отвѣчалъ, приложивъ руку къ груди, вѣрный слуга.

Отъ брака П. А. съ дѣвицею Исленьевою родилось 7 человѣкъ

¹⁾ Н. А. Исленьевъ, впоследствии ген.-адъютантъ, членъ Александровскаго комитета о раненыхъ.

дѣтей—4 дочери и 3 сына. Всѣ мы сперва воспитывались дома, а затѣмъ два старшіе мои брата, Александръ и Евгенийъ, поступили въ Царскосельскій лицей, а я въ Московскій университетскій благородный пансіонъ. Товарищами моими по пансіону были одни дворянскіе сынки и очень много донскихъ казаковъ. Послѣднихъ, впрочемъ, я затрудняюсь назвать своими товарищами, такъ какъ большинство казаковъ пріѣзжало въ пансіонъ не только взрослыми, но даже среднихъ лѣтъ. У одного моего, напримѣръ, соученика, казака Курнакова, были оставлены, говорятъ, на Дону жена и дѣти. Кромѣ того, несмотря на свое великовозрастіе, казаки удовлетворялись первоначальнымъ образованіемъ и выходили изъ пансіона года за два, за три до окончанія курса, не многому, конечно, научившись, а наименѣе иностраннымъ языкамъ, которые давались имъ особенно трудно. Странно было видѣть среди насъ, дѣтвора, серіозныя фигуры этихъ давно перешедшихъ ученическій возрастъ сыновъ широкаго Дона, и еще страннѣе было бы считать ихъ нашими товарищами.

Благодаря ли хорошей домашней подготовкѣ или способностямъ вообще, но ученіе мнѣ давалось легко. Въ тѣ времена ученики принимались въ пансіонъ въ зависимости отъ знаній, выяснившихся на пріемныхъ экзаменахъ, по различнымъ предметамъ—въ различные классы. Я, напримѣръ, по иностраннымъ языкамъ попалъ въ 4-й классъ, по географіи и исторіи во 2-й, а по остальнымъ предметамъ въ 1-й младшій классъ. Всѣхъ классовъ было 6-ть. Кажется года черезъ два послѣ моего поступленія это разноклассіе было уничтожено, и я перешелъ по всѣмъ предметамъ въ 3-й классъ 3-мъ ученикомъ. Ученіе мое шло успѣшно до 6-го класса, но въ этомъ, послѣднемъ классѣ пансіона рѣзко измѣнилось. Виноваты, какъ это ни странно, были поляки. По объявленіи войны съ ними у всей молодежи закипѣлъ воинственный духъ. Мнѣ было 16 лѣтъ, и, конечно, этотъ вихрь захватилъ и меня въ ущербъ ученію. Проведшій дѣтство въ деревнѣ при хорошихъ условіяхъ, я былъ здоровый, крѣпко сложенный юноша и къ тому же съ 7 лѣтъ привыкъ сидѣть на лошади. Эти данныя поселили во мнѣ увѣренность, что трудности похода я перенесу легко и на полѣ брани съ честью поддержу свое имя. Энтузіазмъ мой поддерживался еще болѣе сознаніемъ, что оба мои брата готовятся со своими частями къ выступленію на театръ военныхъ дѣйствій.

Однимъ словомъ, я рѣшилъ безповоротно, что, развязавшись съ выпускными экзаменами, немедленно отправляюсь на войну. Но, къ сожалѣнію, моимъ мечтамъ не суждено было осуществиться, и я остался въ проигрышѣ во всѣхъ отношеніяхъ. Чѣмъ ближе къ экзаменамъ, тѣмъ хуже я занимался и въ результатѣ выдержалъ ихъ плохо. Меня выпустили не съ чиномъ X-го класса, а лишь XIV-го.

Тяжело было являться такимъ чиновникомъ въ родную семью,

гдѣ привыкли разсчитывать, что во всякомъ случаѣ я буду выпущенъ однимъ изъ первыхъ. При этихъ условіяхъ о войнѣ нечего было и думать. На мои горячія мольбы—пустить меня волонтеромъ—получился категорическій отказъ и отца и матери. Кромѣ того, мои родители, неприятно пораженные такой переменною въ прилежномъ и хорошо учившемся юношѣ, рѣшили продержать меня для исправленія въ деревнѣ.

Братья ушли на войну; старшій—Александръ, окончившій Царскосельскій лицей, юнкеромъ Ямбургскаго уланскаго полка, а средній—Евгеній, не кончившій лицея и перешедшій въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ, отправился юнкеромъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. Съ этимъ братомъ, который былъ старше меня всего на 1½ года, я поддерживалъ оживленную переписку, еще болѣе приводившую меня въ уныніе.

II.

Жизнь въ С.-Петербургѣ.—Школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ.—Встрѣча съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ и его отношенія ко мнѣ.—Игры съ августѣйшими дѣтьми.

Въ деревнѣ отецъ продержалъ меня цѣлый годъ, разсчитывая, что я успокоюсь, оставлю свои воинственные замыслы и серьезно займусь подготовкой къ служебной карьерѣ.

Наконецъ, въ 1831 году, меня отправили въ С.-Петербургъ для подготовленія къ военнымъ наукамъ, такъ какъ рѣшили, что я, плохо кончившій пансіонъ, къ гражданской службѣ не пригоденъ. Наставниками моими въ С.-Петербургѣ были артиллеріи капитанъ Майковъ и инженерный поручикъ Костомаровъ. По возвращеніи изъ похода, дядя мой, командиръ Преображенскаго полка Исленьевъ, назначилъ для обученія меня фронту опытнаго ефрейтора Андрея Иванова.

Принялся я за дѣло энергично, не позволяя себѣ развлекаться прелестями заманчивой для провинціала столичной жизни. Впрочемъ, вернувшіеся съ войны братья, награжденные уже орденами, часто возбуждали мою зависть и тѣмъ самымъ уменьшали мое рвеніе къ мирнымъ, монотоннымъ занятіямъ. Тѣмъ не менѣе, въ 1832 г., я выдержалъ экзаменъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ и по желанію дяди моего Исленьева облекся въ форму лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка.

Черезъ недѣли три послѣ моего поступленія въ школу, начальникъ ея, генералъ-майоръ Шлиппенбахъ, призналъ меня настолько подготовленнымъ, что я удостоился чести быть посланнымъ вѣстовымъ къ строгому и взыскательному великому князю

Михаилу Павловичу. Встрѣча эта имѣла громадное значеніе въ моей жизни. Великій князь полюбилъ меня съ перваго раза и всю жизнь относился ко мнѣ особенно хорошо, постоянно отмѣчая меня по службѣ. Послѣ перваго моего представленія его высочеству, впослѣдствіи меня неоднократно посылали въ знакъ отличія на игры и къ наслѣднику цесаревичу Александру Николаевичу и къ великимъ княжнамъ, дочерямъ великаго князя.

Въ школѣ дѣло шло своимъ чередомъ. Между прочимъ на меня почему-то очень часто пригонялись новые мундиры и аммуниція, что порядкомъ таки надоѣдало. Въ 1833 году, я былъ назначенъ старшимъ унтеръ-офицеромъ и начальникомъ 6-го отдѣленія. Его высочество самъ надѣвалъ намъ серебряные темляки. Въ старое время, хотя оно и было время утонченной строгости, доходящей до педантизма, жилось и служилось какъ-то проще, легче. Все было ясно. Не надо было измышлять, какимъ бы образомъ сдѣлать хорошую карьеру, а для достиженія ея слѣдовало только служить честно и благородно на своемъ посту. Такъ называемыхъ «карьеристовъ» тогда какъ-то не было. Идеаль прорапорщика не шель дальше эплетъ прорапорщика, идеаль прорапорщика—дальше эплетъ подпоручика. Великій князь Михаилъ Павловичъ былъ примѣромъ для всѣхъ и во всѣхъ отношеніяхъ. Кто не зналъ его добраго сердца, его справедливаго отношенія и къ старшимъ и къ младшимъ и наконецъ его безграничной и непоколебимой преданности своему монарху? Строго держалъ великій князь всѣхъ, взыскивалъ за самыя незначительныя провинности и въ особенности со своихъ любимцевъ, чтобы всѣ знали, что на службѣ любимцевъ нѣтъ и не должно быть. Мнѣ, какъ любимцу, попадало очень часто и за это я очень благодаренъ. Велъ онъ насъ по честному гражданскому пути, и всѣ мы это сознавали. Если и случалась иногда со стороны великаго князя взыскательность ошибочная, то она никогда не возбуждала ропота въ сердцахъ. Никто даже не обсуждалъ его распоряженій—такъ беззавѣтно ему вѣрили, и такую любовь къ себѣ поселилъ онъ среди насъ своими поступками. Правда, если великому князю приходилось сознавать свою ошибку, онъ немедленно ее исправлялъ, отнюдь не признавая себя непогрѣшимымъ.

У меня сохранилось въ памяти нѣсколько примѣровъ тогдашней служебной строгости, вызывавшей взысканія за поступки, на которые теперь не обратили бы, пожалуй, и вниманія. Помню, на примѣръ, въ 1834 году, передъ производствомъ моимъ въ офицеры, была назначена репетиція парада, предстоявшаго по случаю освященія колонны въ память императора Александра I. Репетицій парада всегда бывало много; все начальство пересмотритъ, а часто и великій князь. На этотъ разъ его высочество лично провѣрялъ готовность къ параду военно-учебныхъ заведеній, а потому и на нашей репетиціи присутствовалъ.

Подпрапорщики составляли первый дивизионъ баталіона. Двинулись мы съ мѣста съ барабаннымъ боемъ; все шло хорошо, но когда заиграла музыка, дивизионъ сбился съ ноги. Я былъ за лѣвымъ флангомъ и, желая помочь, сталъ сзади подсчитывать: «правой — лѣвой», «правой — лѣвой», и, вѣроятно, при происшедшей неурядицѣ дѣлалъ какія нибудь движенія, не предусмотрѣнные уставомъ.

Когда насъ остановили, генералъ Шлиппенбахъ подѣхалъ къ правому флангу и сказалъ что-то моему товарищу, унтеръ-офицеру Голицыну, упомянувъ мою фамилію. По возвращеніи въ школу Голицынъ передалъ мнѣ, что генералъ на меня сердитъ и приказалъ явиться къ нему. Являюсь.

— Нѣтъ! Это—не тотъ Самсоновъ, котораго я привыкъ считать отличнымъ подпрапорщикомъ,—сказалъ генералъ.—Какъ вы прошли, милостивый государь, мимо великаго князя? Извольте отправляться въ карцеръ!

Конечно, пошелъ. Просидѣлъ я въ карцерѣ за свои неосторожныя движенія трое сутокъ, при чемъ всякій день начальникъ школы, проходя мимо карцера въ обѣденную залу, останавливался и выразительно говорилъ мнѣ: «сты-ыдно, сты-ыдно!».

Подпрапорщики вмѣстѣ съ другими учебными заведеніями располагались лагеремъ въ Петергофѣ. Это потѣшное войско часто посѣщалось государемъ императоромъ и пользовалось его и всей царской фамиліи милостію. Нечего и говорить, что усиленная строгость великаго князя Михаила Павловича предупреждала возможность какихъ бы то ни было безпорядковъ и держала насъ на чеку.

Одинъ разъ государь императоръ неожиданно посѣтилъ лагерь. Начиная обходъ съ праваго фланга, его величество услышалъ запахъ табаку около кавалерійскихъ палатокъ.

— Кто здѣсь курить?—раздался его могучій голосъ.

Мы всѣ повыскакивали изъ палатокъ, и конкеръ Кавалергардскаго полка Перовскій отвѣтилъ:

— Виноватъ, ваше величество, я угощалъ у себя трубкой корнета Петрово-Соловаго ¹⁾).

— Вотъ эту правду,—сказалъ государь императоръ,—я очень люблю! Вы—благородные дѣтки. Спасибо, Перовскій!

1-го іюля 1834 года Перовскій былъ произведенъ въ офицеры.

Проходя далѣе по лагерю другого заведенія, его величество опять услышалъ запахъ табаку. На вопросъ: «кто курить?»—отвѣта не послѣдовало, а потому дѣло пошло на разборку великаго князя. Виновный не находился. Тогда великій князь прика-

¹⁾ Петрово-Соловаго въ прошломъ (1834) году подѣжалъ конкеромъ на ординарцы и по принятому обычаю былъ тутъ же произведенъ въ офицеры.

залъ послать все заведеніе въ чистое поле, какъ онъ выразился, «на подножный кормъ». Черезъ три дня виновный кадетъ отыскался, и высѣкли его несчастнаго самымъ серьезнымъ образомъ.

По возвращеніи изъ лагерей намъ предстоялъ передъ выпускомъ смотръ его высочества по строевому образованію, такъ какъ экзаменъ по наукамъ былъ уже произведенъ передъ лагеремъ. Строевой службѣ насъ училъ офицеръ Финляндскаго полка, Гольтгоеръ, и на что ужъ, кажется, мы были тверды въ своемъ дѣлѣ, но строгаго судьи, великаго князя, боялись очень, зная, какъ онъ круто подтягивалъ насъ на ученыхъ. На этомъ, такъ сказать, выпускномъ смотрѣ великій князь ставилъ всегда подпрапорщиковъ командирами взводовъ и баталіона, для чего обыкновенно выводился 2-й баталіонъ Семеновскаго полка.

Такъ было и теперь. Въ день смотра въ манежѣ былъ выстроенъ баталіонъ семеновцевъ, а мы, выпускные, стояли въ одну шеренгу противъ баталіона. Приѣхалъ великій князь. Поздоровавшись со всѣми, его высочество сталъ назначать подпрапорщиковъ по взводамъ. Меня онъ сперва обошелъ, а затѣмъ, окончивши назначенія, вызвалъ впередъ.

— Ты будешь командовать баталіономъ. Смотри, не ври!—сказалъ его высочество, ласково положивъ мнѣ руку на плечи.

Я хотя и трусилъ немного, но, конечно, обрадованъ былъ несказанно.

Смотръ прошелъ, какъ нельзя лучше. Великій князь насъ расхвалилъ. Генерала Шлиппенбаха представилъ къ лентѣ св. Станислава, а преподавателя Гольтгоера къ тому же ордену на шею. Всѣ подпрапорщики были распущены по домамъ до производства въ офицеры. Мнѣ же великій князь приказалъ прійти на другой день къ нему въ Михайловскій дворецъ обѣдать.

На другой день я явился во дворецъ. Великаго князя не было. На вытяжку стоялъ я взволнованный въ первой отъ лѣстницы залѣ, держа киверъ на молитву. Вижу, подѣхалъ къ крыльцу великій князь. Подымаясь по лѣстницѣ, его высочество громко сказалъ:

— Здравствуй, молодецъ! Сложи-ка съ себя амуницію, и пойдемъ.

Я повиновался. Онъ взялъ меня за руку, и мы отправились.

Въ маленькой обѣденной залѣ, куда мы пришли, ожидали генералы: Бибиковъ и Сумароковъ, полковникъ Ростовцевъ, дежурный адъютантъ Огаревъ и еще два генерала, но кто такіе, я не помню. Обращаясь къ нимъ, великій князь сказалъ:

— Je vous recommande mon futur commandant de bataillon; il connait bien son affaire celui-là молодецъ!

— Радъ стараться, ваше высочество,—сконфуженно, но твердо отвѣчалъ я.

Посадилъ меня великій князь рядомъ съ собою и во время обѣда поилъ шампанскимъ, вкусъ котораго я мало тогда понималъ.

Послѣ обѣда, за которымъ великій князь съ увлеченіемъ рассказывалъ про различные служебные эпизоды, гости разѣхались, и я остался одинъ.

— Умѣешь ли ты грести веслами?—спросилъ меня великій князь.

— Умѣю, ваше высочество,—отвѣчалъ я.

— Ну, такъ покатай меня въ лодкѣ.

Онъ закурилъ сигару, велѣлъ дать мнѣ свою фуражку, и мы отправились кататься по канавкамъ въ дворцовомъ саду.

На вопросъ великаго князя, курю ли я, я отвѣчалъ утвердительно и рассказалъ всю школьную процедуру куренія въ печку со всѣми предосторожностями, что его высочеству очень понравилось.

Затѣмъ мы возвратились во дворецъ. Въ одной изъ залъ была устроена деревянная гора. Грести я оказался смышленнымъ, но къ катанью съ горы совершенно неспособнымъ. Спускаясь съ горы, я неудачно задѣлъ ногой за бортъ и перепугалъ сидѣвшую со мной великую княжну Марію Михайловну. Позднѣе, въ Аничковскомъ дворцѣ, наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ неоднократно заставлялъ меня принимать участіе въ этомъ удовольствіи, навѣрное зная, что я собою съ пути, а то и совсѣмъ свалюсь.

Вскорѣ доложили великому князю, что пріѣхалъ вытребованный имъ командиръ учебнаго сапернаго батальона, который наканунѣ занималъ караулы, и мы отправились въ кабинетъ. Выходя къ этому полковнику, великій князь сказалъ мнѣ:

— Посмотри, какъ я его распушу!

И дѣйствительно распушилъ такъ, что у бѣднаго нѣмца (полковникъ былъ нѣмецъ; фамиліи его я не помню) колѣнки затряслись. Указавъ на найденные безпорядки, великій князь, возвышая постепенно голосъ, закончилъ свой выговоръ словами:

— Да я васъ, милостивый государь, пошлю туда, куда Макаръ телятъ не загонялъ, куда воронъ костей не заносилъ! Извольте итти!

Перепуганный полковникъ со страха едва двери нашелъ.

— Каково я его отдѣлалъ?—спросилъ меня смѣясь великій князь.

Мнѣ очень жаль было полковника, и у меня невольно сорвалось съ языка:

— Слишкомъ сильно. Онъ, бѣдняга, едва на ногахъ устоялъ.

Его высочество строго посмотрѣлъ на меня, показалъ пальцемъ на языкъ и внушительно мнѣ погрозилъ.

Черезъ нѣкоторое время явился генераль Шлиппенбахъ со спискомъ юнкеровъ, представляемыхъ къ производству въ офицеры. Въ началѣ списка я съ великою радостью увидалъ свое имя. Вообще это былъ счастливѣйшій день моей жизни.

III.

Производство въ офицеры.—Жизнь въ полку.—Генераль-адъютантъ Микулинъ.—
Кавказская экспедиція.

Ждали мы производства два мѣсяца. Мундиры Брунетти, офицерскія вещи Скосырева, шляпа Циммермана ¹⁾—все это давно было готово. Не доставало лишь приказа. Наконецъ, 22 ноября 1834 г. появился желанный приказъ, и насъ произвели.

Великій князь, показывая мнѣ мою фамилію, спросилъ:

— Ты знаешь этого господина?

— Хорошо знаю, ваше высочество,—отвѣчалъ я.

— Онъ у меня молодецъ! Смотри, будь всегда такимъ,—заклучилъ съ улыбкой его высочество.

Не всегда впрочемъ великій князь поздравлялъ съ производствомъ такъ милостиво. Помню, напримѣръ въ 1832 г. мнѣ случилось быть при представленіи по поводу производства товарища моего, князя А. И. Барятинскаго, и другихъ. Великій князь сказалъ имъ слѣдующее:

— Вы, маменькины сынки, недоучившись, выходите въ армію, въ надеждѣ, что васъ переведутъ въ гвардію. Я вамъ отвѣчаю, что вамъ гвардіи не видать, какъ своихъ ушей!

Общаніе это, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи Барятинскаго, который впоследствии былъ фельдмаршаломъ, мало оправдалось, но начинать службу съ такимъ напутствіемъ представлявшимся было не легко.

Въ Преображенскій полкъ насъ попало всего 8 человѣкъ. Я былъ назначенъ во 2-ю роту 1-го батальона, гдѣ служилъ уже подпоручикомъ мой братъ Евгеній. Кромѣ чести служить въ лейбъ-батальонѣ перваго полка, мы пользовались еще и преимуществомъ получать по 1.000 р. столовыхъ денегъ, что для молодыхъ офицеровъ было очень кстати.

Командиромъ полка въ то время, вмѣсто ушедшаго моего дяди Исленьева, былъ генераль-адъютантъ Микулинъ, а 2-й роты 1-го батальона—капитанъ Челищевъ, извѣстный въ Петербургѣ подъ прозвищемъ «l'ami des rois». Челищевъ былъ знакомъ со всѣми посланниками, аккредитованными при нашемъ дворѣ, и, благодаря

¹⁾ Тогдашніе поставщики.

этому, былъ извѣстенъ всѣмъ посѣщавшимъ нашъ дворъ коронованнымъ особамъ, почему его и прозвали «l'ami des rois».

Въ полковую жизнь я втянулся скоро, хотя особенно пріятной она быть не могла. Томительны и тяжелы были ученія того времени. Ружейнымъ приѣмамъ не было конца, и отчетливость въ нихъ требовалась баснословная. Скомандуютъ «кладсь» и цѣлые $\frac{1}{4}$ часа провѣряютъ, ровно ли держится всѣми ружье. Только и слышишь: во второй шеренгѣ четвертый подыми ружье! въ третьей шеренгѣ первый опусти и т. д. Вообще тогда ружье назначалось больше для приѣмовъ, нежели для стрѣльбы, и, какъ штыкъ, оно было хорошо, какъ и теперь, но, какъ огнестрѣльное оружіе, не годилось никуда. Правда, блестѣли ружья у всѣхъ великолѣпно, ибо чистились сплошь наждакомъ.

Послѣ ружейныхъ приѣмовъ начинались обыкновенно учебные шаги—скупнѣйшая часть муштры, и такъ каждый день. Обмундированіе тогдашнее заставляло желать многого и стѣсняло всѣ движенія до крайности. Короткій безъ кармановъ мундиръ и глухія брюки—въ обтяжку. Высокій воротникъ туго подпиралъ подбородокъ. Зимой суконные, а лѣтомъ бѣлые штіблеты—гармоніи ради—должны были составлять одно цѣлое съ брюками и мундиромъ, а потому были тоже обтянуты. На застежку лапкановъ требовалась масса времени. Кивера представляли собою тоже нѣчто неудобно-носимое. Форма эта, конечно, усугубляла тяжесть строевого ученія.

Командиръ полка Василій Яковлевичъ Микулинъ хотя и былъ не въ ладахъ съ своимъ предшественникомъ, моимъ дядей Исленевымъ, но ко мнѣ относился хорошо. Вообще, это былъ добрый человѣкъ и хорошій служака, но характера легко воспламеняющагося, почему его и прозвали въ полку «Василіемъ-Горячимъ».

Передъ царскими смотрами онъ безпокоился ужасно. Кажется, и не спалъ и не ѣлъ, а только безпрестанно требовалъ къ себѣ и наставлялъ баталіонныхъ и ротныхъ командировъ, фельдфебелей и т. д. Къ намъ, офицерамъ, обращался онъ передъ смотрами съ рѣчью, заканчивая обыкновенно выраженіемъ надежды, что всѣ мы явимся на смотръ въ новыхъ, ни разу не надѣванныхъ мундирахъ. Въ нашемъ полку служилъ поручикомъ родной братъ Василія Яковлевича, котораго онъ не долюбивалъ за вялость и главное за неряшливость въ одеждѣ. Брату этому онъ никогда не позволялъ участвовать въ полковыхъ смотрахъ.

Не любилъ Василій Яковлевичъ, когда на смотре какой нибудь полкъ покажется лучше нашего, и сердечно радовался неудачамъ конкурентовъ.

Самымъ опаснымъ соперникомъ считался хорошо вымуштрованный Семеновскій полкъ. Помню, разъ нашего генерала поздравили съ отличнымъ парадомъ.

— Это что-о-о!—отвѣтилъ Василій Яковлевичъ!—А вотъ замѣ-

тили ли вы,—воскликнулъ онъ съ радостной улыбкой:—что государь не благодарилъ три семеновскихъ дивизиона?

Въ 1835 году государь императоръ приказалъ сшить преображенскій мундиръ по мѣркѣ В. Я. Микулина и, приславъ его въ полкъ, повелѣлъ офицерамъ поднести его командиру въ день 6-го декабря. Нужно было видѣть умиленіе, искреннюю радость и восторгъ Василя Яковлевича въ этотъ торжественный моментъ. Онъ попросилъ повторить ему слова государя императора и, прослушавъ ихъ съ благоговѣніемъ, заплакалъ, какъ ребенокъ, а затѣмъ, успокоившись, тутъ же завѣщалъ похоронить его непременно въ этомъ жалованномъ мундирѣ.

Заканчивая воспоминанія о Микулинѣ, я долженъ упомянуть, что въ Зимнемъ дворцѣ имѣется картина (о которой я уже говорилъ выше), изображающая встрѣчу императоромъ Николаемъ I-мъ 14-го декабря 1826 года вызваннаго имъ перваго баталіона Преображенскаго полка, при чемъ во главѣ баталіона стояли мой дядя Исленьевъ и В. Я. Микулинъ, тогда еще молодой офицеръ.

Годовые смотры производились обыкновенно въ Инженерномъ манежѣ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ. Тутъ ужъ проходилъ весь уставъ, что называется, «на пяточкѣ». Ученые полковое, баталіонное, стрѣлковое; затѣмъ всѣ учебные шаги и наконецъ церемоніальный маршъ во всѣхъ строяхъ. На смотры великаго князя мы никогда не шли съ увѣренностью. Успѣхъ зависѣлъ цѣликомъ отъ настроенія его высочества.

Предположить великій князь по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, что такой-то, напимѣръ, зазнался или раздѣвился, и тогда хватая избранникъ хоть звѣзды съ неба,—бури ему не миновать. А попало одному—неудаченъ весь смотръ.

Вообще же великій князь настаивалъ на томъ, чтобы офицеры и солдаты были заняты въ полку, какъ можно больше, потому что праздность, какъ говаривалъ онъ, есть мать всѣхъ пороковъ. Даже и послѣ хорошихъ смотровъ намъ не давалось отдыха ни одного дня.

— Хорошо-то хорошо, — замѣтилъ разъ великій князь послѣ удачнаго смотра,—но вотъ тутъ чего-то недостаетъ,—сказалъ онъ, указывая на грудь:—пусть поищутъ, работой найдутъ.

И искали мы упорно и безуспѣшно.

При усиленныхъ фронтowychъ занятіяхъ и строжайшей дисциплинѣ, конечно, и отступленій отъ правилъ почти не было.

Внѣ службы великій князь былъ всегда привѣтливъ и доступенъ; онъ любилъ и пошутить съ молодежью.

Великій князь особенно наказывалъ стоявшихъ въ караулѣ и всегда старался найти малѣйшую неисправность. Но и мы въ караулѣ не дремали. Киверовъ мы обыкновенно не снимали и очень быстро, почти моментально, выскакивали на звонки, которые, надо отдать справедливость, раздавались безпрестанно и днемъ и ночью. Начальники наши и дежурные по карауламъ тоже были на чеку.

При караулахъ во дворцѣ, куда я часто назначался, бдительность наша, конечно, усиливалась еще болѣе, и мы такъ приспособились, что никогда не проглядывали нашего августѣйшаго шефа государя императора. Но для такого успѣха мы прибѣгали къ нѣкоторой уловкѣ. Въ тѣ времена часовые въ доказательство своего бодрствованія, время отъ времени, должны были кричать: «Слуша-а-ай!». Пользуясь этимъ, мы приказывали часовому, стоявшему на углу дворцовой ограды, какъ только государь, возвращаясь домой, пройдетъ мимо него, кричать во всю мочь: «Слуша-а-ай!» и такимъ образомъ своевременно извѣщать насъ о появленіи его величества.

Государь императоръ часто пріѣзжалъ изъ театра на простомъ извозчикѣ, и разъ я былъ свидѣтелемъ случая, когда недоумѣвающему возницѣ вынесли 25 рублевую ассигнацію, сказавъ, что онъ привезъ государя. Услышавъ это, изумленный извозчикъ началъ цѣловать свою лошаденку, спрашивая ее, знаетъ ли она, кого привезла.

Въ 1837 году, я, произведенный уже въ поручики, былъ командированъ согласно своему желанію на Кавказъ въ Кабардинскій полкъ, гдѣ принималъ участіе въ экспедиціи и всѣхъ дѣлахъ противъ горцевъ подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Вельяминова. Во одномъ изъ дѣлъ я былъ легко раненъ въ ногу, но оставался въ строю, такъ какъ о ранѣ не заявлялъ.

На Кавказѣ я встрѣтилъ бывшихъ моихъ товарищей, Лермонтова и Мартынова, несчастная ссора которыхъ уже принимала въ то время характеръ непримиримой обоюдной злобы ¹⁾.

IV.

Аничковскіе балы.—Императоръ въ роли дирижера танцевъ.—Бородино.—Помолвка и смерть великой княжны Александры Николаевны.—Смерть моего отца.—Раздѣлъ.

Съ Кавказа я возвратился въ 1838 году и никакихъ особенныхъ перемѣнъ въ полку не нашелъ.

Послѣ происшедшаго въ Зимнемъ дворцѣ пожара государь императоръ перенесъ свою резиденцію въ Аничковскій дворецъ. Роскошные приемы и балы, украшенные тремя царскими дочерьми, привлекали къ нашему двору много иностранныхъ принцевъ. Получить приглашеніе на эти балы составляло верхъ желаній свѣтской молодежи. Для насъ, военныхъ, существовала двоякая форма приглашеній: на большіе балы назначалось обыкновенно по столько-то офицеровъ отъ полка, а на малые—призывались избранные лучшіе танцоры, въ число которыхъ по временамъ попадалъ и я.

¹⁾ Кавказскія воспоминанія ген. Самсонова были напечатаны отдѣльно.

Аничковскіе вечера были особенно оживлены участіемъ въ нихъ ихъ императорскихъ величествъ. Государыня императрица танцевала котильоны и кадрили, а государь императоръ Николай Павловичъ становился обыкновенно въ первой парѣ «гроссфатера»¹⁾ и здѣсь, при затѣйливыхъ фигурахъ, изобрѣтавшихся нашимъ высокимъ дирижеромъ, возникало полное, непринужденное веселье. Вотъ одна изъ этихъ фигуръ.

Пройдя попарно, умѣренными шагами, по всѣмъ комнатамъ дворца, танцующіе составляли общій кругъ въ большой залѣ, и тутъ начиналась такъ называвшаяся «фуга». Государь императоръ выходилъ со своей дамой на середину, а затѣмъ, не разрывая цѣпи, всѣ прочія пары наматывались клубкомъ вокругъ первой какъ можно тѣснѣе. Когда кубокъ былъ готовъ, государь первый начиналъ прыгать, а за нимъ и всѣ остальные. Получалась какая-то толчея, на которую нельзя было смотрѣть безъ смѣха, но всѣ были веселы и довольны.

Я иногда имѣлъ честь танцевать съ великими княжнами, но никогда не удостоился чести быть кавалеромъ ея величества. Одинъ разъ, когда я въ котильонѣ что-то напуталъ, государыня, ударивъ меня слегка по рукѣ, сказала:

— «Vous êtes un maladroit!»

Это впрочемъ напоминаетъ случай съ ординарцемъ у одной высокой особы. Его спрашиваютъ въ казармахъ:

— Говорилъ ли съ тобой его величество?

— Какъ же, — отвѣчаетъ онъ: — говорилъ. Я подавалъ ему шинель, а онъ сказалъ: не такъ, болванъ!

Въ 1839 году, стали готовиться къ празднествамъ по случаю постановки памятника на Бородинскомъ полѣ, куда должны были отправляться войска. Гвардейскія дивизіи составляли сводные батальоны изъ 1-хъ гренадерскихъ ротъ. Первый батальонъ сформировался изъ ротъ его величества полковъ лейбъ-гвардіи: Преображенскаго, Семеновскаго, Измайловскаго и Егерскаго. Нашей государевой (первой) ротой командовалъ флигель-адъютантъ Чернышевъ, а всѣмъ гвардейскимъ — отрядомъ, состоявшій при корпусѣ баронъ И. И. Мункъ.

Походъ этотъ, происходившій въ прекрасную лѣтнюю погоду, былъ одной изъ самыхъ пріятныхъ военныхъ прогулокъ. Между нами образовались, конечно, кружки, соединявшіеся не только на дневкахъ и ночлегахъ, но при возможности и на бивуакахъ. Нашъ кружокъ составляли Преображенскаго полка я и Демидовъ, Измайловскаго Барановъ и Егерскаго Вырубовъ. Офицерамъ дозволено было имѣть верховыхъ лошадей, а потому во время пути у насъ происходили скачки, охота на разную дичь и т. д.

¹⁾ Танецъ тѣхъ временъ.

На Бородинскомъ полѣ выросъ временный городокъ, въ которомъ жили почтенные участники Бородинскаго боя и приглашенные иностранцы. Устроены были гостиницы, магазины, даже театры. Впрочемъ намъ, офицерамъ, рѣдко удавалось посѣщать городокъ, ибо великій князь Михаилъ Павловичъ помѣстился въ нашемъ лагерѣ, а царская палатка стояла на правомъ флангѣ нашей роты. По приѣздѣ государя императора всѣ караулы, даже и у царской палатки, были сняты, равно какъ и часовые. Зато, конечно, на дежурныхъ лежала полная отвѣтственность за тишину и порядокъ.

Разъ утромъ посѣтилъ насъ по сосѣдству великій князь Михаилъ Павловичъ въ скюртукѣ безъ эпюлетъ и съ сигарою во рту. Я былъ дежурный по батальону и встрѣтилъ его высочество.

— Кто былъ вчера дежурный?—спросилъ великій князь.

Я отвѣтилъ.

— Посадить его подъ арестъ,—продолжалъ его высочество.— Вчера былъ такой шумъ и гвалтъ въ унтеръ-штабѣ, что государь заснуть не могъ. Смотри, чтобы у тебя этого не было!

Конечно, послѣ такого предупрежденія я рѣшилъ не спать всю ночь. Периодически посылалъ патрули, а по возвращеніи ихъ обходилъ лагерное расположеніе самъ. Оказалось, что предосторожности эти я принималъ не напрасно.

Въ одинъ изъ обходовъ я услышалъ по направленію дороги шумъ колесъ. Иду на встрѣчу. Вижу, телѣжка парой подѣзжаетъ къ самой царской палаткѣ, гдѣ и останавливается. Изъ нея выходитъ какой-то статскій и уже берется за полотно ставки, чтобы войти. Броситься къ нему и схватить сзади въ объятія было дѣломъ одной минуты. Схвативши я потащилъ своего плѣнника въ лагерь, и здѣсь оказалось, что этотъ господинъ—писарь барона Вревскаго, присланный за справкой къ придворному чиновнику Лосеву.

Хорошъ бы я былъ, если бы этотъ почтенный писарь успѣлъ нанести свой ночной визитъ его величеству. Только случай избавилъ меня отъ такой крупной и непріятной исторіи.

Осмотръ и изученіе мѣстности, на которой происходила борьба нашего воинства съ двенадцатью языками, освященіе памятника при сборѣ всѣхъ войскъ и наконецъ выступленіе наше въ Москву составляли рядъ занятій, выходившихъ изъ круга нашей монотонной службы.

Въ Москвѣ войска были размѣщены по обывательскимъ домамъ, владѣльцы которыхъ испросили разрѣшеніе продовольствовать ихъ на свой счетъ. Въ нашемъ домѣ было 16 человекъ моего стрѣлковаго взвода.

Въ 1843 году, великая княжна Александра Николаевна была помолвлена съ принцемъ Гессенъ-Кассельскимъ. Полкъ узналъ объ этой помолвкѣ 9 августа лично отъ государя императора и ея высочества на бивуакѣ во время маневровъ близъ Ропши.

— Вы моя семья,—сказалъ государь,—не могу не раздѣлить съ вами нашей семейной радости. Поздравьте ее: она невѣста.

Августѣйшая невѣста подвела къ полку принца Кассельскаго и сказала:

— Вотъ мой женихъ! Любите его такъ, какъ вы насъ всѣхъ любите!

Но недолго продолжалось счастье ея высочества. 29 іюля 1844 г. великая княгиня скончалась. На погребеніи присутствовалъ нашъ полкъ, при чемъ государь императоръ, обращаясь къ намъ, сказалъ слѣдующее:

— Спасибо, преображенцы, за вашу къ намъ любовь! Вы первые поздравили покойную невѣстой,—васъ же позвалъ я отдать ей послѣдній долгъ!

Такія два знаменательныя событія мы, преображенцы, рѣшили увѣковѣчить сооруженіемъ иконы въ память усопшей великой княгини.

Узнавъ объ этомъ, его величество прислалъ въ полкъ слѣдующее собственноручное письмо на имя нашего командира, генерала Жеркова:

«Господинъ генералъ-майоръ Жерковъ!

«Я извѣстился о желаніи офицеровъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка получить наше согласіе, дабы въ память участія, принятаго полкомъ въ послѣднихъ почестяхъ усопшей любезнѣйшей дочери нашей великой княжнѣ Александрѣ Николаевнѣ, поставить отъ себя образъ въ устроиваемой нами часовнѣ тамъ, гдѣ переселилась въ вѣчность покойная наша дочь.

«Принявъ съ живѣйшимъ чувствомъ признательности сіе новое доказательство усердія и преданности господъ офицеровъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, я съ особымъ удовольствіемъ повелѣлъ желаніе ихъ исполнить, да будетъ образъ сей и на будущее время знакомъ приверженности гвардіи къ семейству нашему и взаимству нашихъ къ ней чувствъ.

«Вамъ же поручаю отъ лица всего нашего семейства увѣрить всѣхъ господъ офицеровъ полка, сколь живо въ сердцахъ нашемъ цѣнимъ мы намѣреніе, внушившее сію трогательную мысль.

«Пребываю полку и вамъ всегда благосклонный

«Николай».

Въ 1859 году умеръ мой отецъ. Все наше семейство (3 брата и 4 сестры) собралось въ родовое гнѣздо—село Бектышево. Трогательны были его похороны. Отецъ мой обладалъ всѣми качествами честнаго и благоразумнаго крѣпостника, и, несмотря на его строгость, народъ притекалъ къ нему со всѣхъ сторонъ съ полнымъ довѣріемъ, какъ къ своему защитнику и благотворителю. За

гробомъ его шли тысячи простолюдиновъ, помнившихъ добрыя дѣла усопшаго.

Во время раздѣла нашего имущества мнѣ досталось по жребію Бектышево—наше главное владѣніе. Но, принимая во вниманіе, что служба не давала мнѣ возможности заниматься хозяйствомъ (я въ то время послѣ командованія полкомъ состоялъ въ чинѣ генераль-майора при гвардейскомъ корпусѣ и постоянно бывалъ въ командировкахъ), и главное, что у меня не было дѣтей, я уступилъ Бектышево своему среднему брату, Евгенію, находившемуся уже въ отставкѣ. Старшему брату Александру, бывшему тогда свитскимъ генераломъ ¹⁾, досталось село Кудрявцево, а я взялъ себѣ незастроенныя земли. Впослѣдствіи мною была выстроена и нынѣ существующая усадьба въ пустоши Коровино, гдѣ прежде была довольно извѣстная Самсоновская охота. Хороша была эта охота, но слишкомъ велика для нашихъ средствъ. Пришлось ее уничтожить. Большинство собакъ было продано мною царской фамиліи, а остальныхъ я раздарилъ.

Въ 1881 году, послѣ командованія 2-мъ армейскимъ корпусомъ, я, будучи генераль-лейтенантомъ, былъ назначенъ въ Бозѣ почивающимъ императоромъ Александромъ III на крайне отвѣтственную должность с.-петербургскаго коменданта въ эту годину глубокой скорби, постигшей наше отечество...

Г. П. Самсоновъ.

¹⁾ Впослѣдствіи владимирскій губернаторъ и почетный опекунъ.